

Шурупова Ольга Сергеевна, Коротина Галина Ивановна

### **ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В статье подвергается исследованию лингвокультурный феномен Лондонского текста английской литературы. На основании анализа репрезентации и интерпретации его ключевых концептов LONDON (ЛОНДОН), DEATH (СМЕРТЬ), DAY (ДЕНЬ), NIGHT (НОЧЬ) авторы делают выводы об особенностях характерной для него сверхтекстовой картины мира. Составляющие сверхтекста объединены образом города, который живет сложной, двойственной жизнью. Исследование осуществляется на материале произведений Дж. Гринвуда, Ч. Диккенса, С. Кинзеллы.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/59.html](http://www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/59.html)

Источник

#### **Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 205-208. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/](http://www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/)

#### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

**ROLE OF EXTRA-LINGUISTIC MEANS WHILE EXPRESSING INDUCEMENT****Shakhbanova Patimat Abdulzhalilovna***Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Scientific Center  
of the Russian Academy of Sciences, Republic of Dagestan, Makhachkala  
patyashahbanova@mail.ru*

The article considers the linguistic problematics of extra-linguistic means of expressing inducement. The research shows that when expressing inducement extra-linguistic means bring to a speech act additional information, express inducement without verbal concrete means, combine with verbal means, contain information about a speaker, and help to differentiate variants of meaning of inducement.

*Key words and phrases:* extra-linguistic means; paralinguistic means; communication; inducement; intonation; act of speech.

УДК 882:417.3

**Филологические науки**

*В статье подвергается исследованию лингвокультурный феномен Лондонского текста английской литературы. На основании анализа репрезентации и интерпретации его ключевых концептов LONDON (ЛОНДОН), DEATH (СМЕРТЬ), DAY (ДЕНЬ), NIGHT (НОЧЬ) авторы делают выводы об особенностях характерной для него сверхтекстовой картины мира. Составляющие сверхтекста объединены образом города, который живет сложной, двойственной жизнью. Исследование осуществляется на материале произведений Дж. Гринвуда, Ч. Диккенса, С. Кинзеллы.*

*Ключевые слова и фразы:* текст; сверхтекст; сверхтекстовая картина мира; концепт; концептосфера; Лондонский текст английской литературы.

**Шурупова Ольга Сергеевна**, к. филол. н.**Коротина Галина Ивановна***Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Липецке  
shurupova2011@mail.ru; confup@mail.ru***ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА  
АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ<sup>©</sup>**

В настоящее время развитие лингвистики осуществляется в русле антропоцентрической парадигмы, которая ставит перед учеными новые цели исследования языка, предполагает появление новых принципов и методов языкознания. Лишь в русле данной парадигмы стало возможным исследование такого лингвокультурного феномена как сверхтекст, представляющий собой «открытую систему текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах каждого из которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира» [4, с. 227].

Важнейшим шагом в процессе исследования того или иного городского сверхтекста являются выявление его ключевых концептов и описание совокупности языковых средств, объективирующих данный концепт. Анализ различных городских сверхтекстов английской литературы показывает, что в их концептосферах обычно можно обнаружить такие концепты как *NATURE-CULTURE (ПРИРОДА-КУЛЬТУРА)*, *LIGHT-DARKNESS (СВЕТ-ТЬМА)*, *LIFE-DEATH (ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ)*, как правило, «вступающие друг с другом в отношения бинарной оппозиции» [5, с. 296]. Однако данные концепты могут реализовать в пределах разных сверхтекстов различные признаки, иногда не характерные для них в стандартной языковой картине мира. В таком случае в данной системе текстов складывается особая сверхтекстовая картина мира. «Нередко в результате интерпретаций прецедентных для данной культуры текстов образуется... сверхтекст, составляющие которого строятся на основе сходных мифологических кодов. В каждой из данных составляющих присутствуют элементы субъективного, характерного для текстовой и индивидуально-авторских картин мира, и объективного, присущего сверхтекстовой картине мира» [7, с. 214].

Особой сверхтекстовой картиной мира характеризуется и Лондонский текст английской литературы, который «занимает важнейшее место в английской литературе, в частности, в романах Ч. Диккенса, где Лондон предстает не столько как богатая, шумная столица Британской империи, сколько как мрачный, серый, неуютный город на берегу большой реки, который, как и Петербург, ломает человеческие судьбы, губит

слабых и незащищенных» [6, с. 80]. Лондон, появляющийся в нем, можно с уверенностью отнести к эксцентрическим городам, которые, по мнению Ю. М. Лотмана, часто находятся в устье реки, постоянно угрожающей их жизни, и воспринимаются носителями языка и культуры как обреченные на гибель [3, с. 10].

Помимо романов Ч. Диккенса, мы подвергли анализу другие произведения английских авторов XIX–XX вв., которые посвящены Лондону и в которых получили репрезентацию сходные концепты, благодаря чему данные произведения характеризуются единой сверхтекстовой картиной мира («Правдивая история маленького оборвыша» Дж. Гринвуда, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси). Исследуя данный сверхтекст, возможно увидеть, как отразились в нем особенности богатой, неповторимой, подчас сложной для понимания англосаксонской культуры, и глубже осмыслить ее. В разнообразных текстах, созданных в далекие друг от друга эпохи, открывается достаточно много общего – они объединены не только и не столько упоминанием Лондона, тем более что в некоторых из них, например, в произведениях Т. Филдинга, действие происходит как в Лондоне, так и в других местах, сколько созданием общего смыслового пространства, в котором получили отражение мифологемы Лондона. Конечно, восприятие этого города не могло не претерпеть некоторые изменения. Так, современный Лондон, на первый взгляд, совершенно не похож ни на викторианский, окутанный густой пеленой тумана, ни на георгианский, полный опасностей для оказавшегося в нем провинциала. Однако анализ современных составляющих сверхтекста, например, романов С. Кинзеллы, к которым авторы статьи тоже обращались, показывает, что, несмотря на эти изменения, его мифотектоника остается целостной. Ключевые концепты сверхтекста реализуют сходные признаки как в произведениях XIX–XX вв., так и в современных текстах.

Ядерным концептом городского сверхтекста обычно может быть признан концепт, получающий репрезентацию в названии населенного пункта, образ которого отражен в данном сверхтексте. Ядерный концепт этого сверхтекста *LONDON (ЛОНДОН)* получает репрезентацию в словах *London, city, town*, которые сопровождаются в Лондонском тексте английской литературы сравнительно небольшим числом определений: *grey, black, gritty, hopeless, shrill, animate, inanimate / серый, черный, грязный, безнадежный, пронзительный, живой, неживой (Здесь и далее перевод наш – Ш. О., К. Г.)* и т.д. Тем не менее, репрезентанты этого концепта нередко сочетаются со словами *vast, great, the greatest / громадный, великий, величайший*. Несмотря на то, что жизнь в Лондоне нередко бывает для героев данного сверхтекста очень тяжелой, полной материальных проблем, горя, безысходности, все они, как правило, гордятся тем, что живут в столице. Однако можно отметить, что, в отличие от городских сверхтекстов русской культуры, где почти неизменно присутствует образ города как живого существа, в Лондонском тексте английской литературы практически не наблюдается случаев уподобления столицы человеку.

Ядро Лондонского текста составляют викторианские романы Ч. Диккенса, У. Теккерея и др., в которых этот город предстает как олицетворение исторической эпохи, когда Британия правила миром, а Лондон «был уже так велик, что едва ли не любому высказанному о нем мнению можно было найти подтверждение... он воплощал в себе энергию, рвение и изобретательность» [1, с. 666]. В то же время герои данного сверхтекста отдают себе отчет в том, что Лондон – грешный город, подобный Содому и Гоморре, и намеренно закрывающий глаза на любое прегрешение своих жителей. Он так велик, что горожанам нет дела друг до друга. Майкл Монт, герой «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, сравнивает Лондон с огромным муравейником, где каждый погружен в свою работу и не видит других. Какие бы страшные вещи ни происходили с персонажами Лондонского текста английской литературы, это крайне редко интересует окружающих их людей. Неслучайно герой романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» пытается скрыться от преследования именно здесь: в огромном Лондоне почти невозможно отыскать человека.

Сотни людей ежегодно прибывают в Лондон, и столица развращает и губит их. Здесь они связывают свою судьбу с преступной компанией. Примером того, как легко и быстро может утратить душевную чистоту юный житель Лондона, может служить судьба Джимми из романа Дж. Гринвуда «Правдивая история маленького оборвыша». Начав свой преступный путь с воровства нескольких орехов с рыночного прилавка, ребенок испытывает такие муки совести, что не может уснуть, но постепенно привыкает к преступлениям и становится карманным воровом, а затем и учеником и партнером настоящего бандита. Мальчик называет две главные причины, по которым стал преступником: голод и сознание, что он одинок и никому не нужен, которое рождает в груди человека гнев на окружающих и желание заботиться лишь о себе, пренебрегая теми, кто, в свою очередь, пренебрегает им. В равнодушном к нему городе человеку легко самому сделаться равнодушным к чужим страданиям, и Джимми, украв свой первый кошелек, нисколько не терзается мыслью, что станет с его прежней владелицей и остались ли у нее деньги, чтобы не умереть с голоду. Лишь немногим героям данного сверхтекста удается оказать моральное сопротивление пагубному влиянию города и избежать окончательной духовной гибели: сохраняет чистоту Джозеф Эндрюс из романа Т. Филдинга (однако автор произведения не скрывает своего иронического отношения к своему герою, так что читатель ощущает, как тяжела, а подчас и невозможна борьба с развращающим влиянием столицы и светского круга), не становится преступником Оливер Твист, бросающий воровство Джимми и Рипстон («Правдивая история маленького оборвыша» Дж. Гринвуда). Однако и в их душах порочная жизнь, которую они вели или хотя бы только лицеизрели, оставляет достаточно глубокий след.

Помимо того, что Лондон наводнен воришками и падшими женщинами, в которых превращаются вчерашние невинные дети из бедных семей, пришедшие на заработок в столицу, здесь происходит первое «знакомство» с пороком и состоятельных юношей, для которых поездка в Лондон становится возможностью «to see a little of gay life» [15, p. 4] / «немножко повеселиться». Так, Генри Телфорд из романа Э. Л. Войнич «Сними обувь

твою», приехав в Лондон с благой целью найти себе подходящую жену, которая станет хорошей матерью его наследникам и будет воспитывать их в страхе Божьем, тем не менее, веселится не только в почтенных гостиных, но и «cautiously and with due regard for health and reputation, elsewhere also» [Ibidem] / «осторожно и не забывая о своем здоровье и репутации, кое-где еще». Характерно, что именно в Лондоне главный герой романа Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта», лишившись перспективы получить наследство и титул, «утешает» себя, распивая вино и навещая падших женщин. Здесь это легче сделать, чем в маленьком провинциальном городке, где на человека непрестанно обращены строгие взоры его соседей, так же, как и Генри Телфорду легче найти невесту в Лондоне, где никто не заботится о его неприятных семейных тайнах, чем в родном графстве.

В Лондонском тексте английской литературы отразились мифологемы города, связанные с его восприятием, с одной стороны, как пространства, в котором соседствуют богатство и нищета, величие и преступность. Достаточно важное место в характерной для него сверхтекстовой картине мира занимает оппозиция концептов *DAY-NIGHT* (*ДЕНЬ-НОЧЬ*). Обычно концепт *DAY* (*ДЕНЬ*) занимает нейтральную позицию, в то время как концепт *NIGHT* (*НОЧЬ*) и тесно связанный с ним концепт *DARKNESS* (*ТЬМА*) сопровождаются негативной оценкой. Ночью, в темноте в Лондоне происходит много неприятного и даже страшного: «*The neighbourhood was a dreary one at that time; as oppressive, sad and solitary by night, as any about London*» [9, p. 578]. / «*В это время все вокруг внушало страх; весь Лондон был печальным и одиноким*». Так, ночь на улице проводят героини романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит», персонажи его произведения «Наш общий друг» и т.д.

Концепт *NIGHT* реализует в данном сверхтексте признаки «when it is dark» («время, когда темно»), «the time between the end of the afternoon and the time when people go to bed» («время между днем и моментом, когда люди ложатся спать»), «a sad period or experience» («печальный период или опыт»), «a period of great sadness, failure» («время большой печали, неудача») [13, p. 947; 14, p. 1009]. Ночь в Лондоне – это темное, печальное время, когда в жизни персонажей Лондонского текста происходят разнообразные неприятности и даже появляются привидения. По словам П. Акройда, «не исключено, что этот город именно ночью делается вполне самим собой и вполне живым» [1, с. 515]. Возможно, ночью ярче всего проявляется присущий Лондону контраст между двумя крайностями – шумом и светом дня и мертвой тишиной и темнотой.

Однако Лондон нередко предстает в посвященном ему сверхтексте и залитым ярким солнечным светом. Так, в Лондонском тексте довольно часто получают репрезентацию концепты *DAY* (*ДЕНЬ*), *NIGHT* (*НОЧЬ*), *SUN* (*СОЛНЦЕ*), отражающие в его пространстве такие признаки как «make things visible» («возможность видеть»), «brightness» («яркость»), «understanding» («понимание»): реализация данного признака связана с тем, что с наступлением дня лондонцу становятся понятны и очевидны многие вещи; если ночью, во тьме все окутано таинственной завесой, днем человек принимается за дело и не раздумывает о том, что мучило его в ночные часы [13, p. 805; 14, p. 871]. Если ночью герой Лондонского текста английской литературы не может не испытывать страх или грусть, то утром и днем, особенно когда ярко светит солнце, он бывает бодр и весел: «*It is a fair, warm summer morning, and the sun shines on them as they walk*» [10, p. 742]. / «*Смолот светлое, теплое летнее утро, и солнце освещает идущих*»; «*Lying in the most comfortable bed in the world, feeling all dreamy and smiley and happy, letting the morning sunlight play on my closed eyelids*» [12, p. 314]. / «*Я лежу в самой удобной постели на свете и улыбаюсь, сонная и счастливая, и утреннее солнышко заставляет меня открыть глаза*». Даже маленький герой повести Дж. Гринвуда «Подлинная история маленького оборвыша», оказавшийся на улице и полный ужаса перед ожидающей его жизнью, с радостью встречает утро. Впрочем, эмоции, испытываемые героями Лондонского текста, столь различны, что вряд ли уместно подробно останавливаться на том или ином концепте данной сферы. В отличие от городских сверхтекстов русской литературы, где, как правило, наличествует оппозиция концептов *РАДОСТЬ-ТОСКА*, в Лондонском тексте концепты, связанные с эмоциями, не играют особенной роли по сравнению с другими.

Безусловно, в Лондонском тексте присутствуют многочисленные репрезентанты концептов *DEATH* (*СМЕРТЬ*) и *LIFE* (*ЖИЗНЬ*), но, думается, первый из них занимает в сверхтексте более важное место.

Составляющие Лондонского текста английской литературы полны описаниями смертей и похорон. Так, с упоминания о смерти Марли начинается «Рождественская песнь» Ч. Диккенса, с описания смерти миссис Домби – роман того же автора «Домби и сын», с похорон тетушки Сэиди – роман современного автора С. Кинзеллы «Девушка двадцатых годов». Подробные описания погребальной церемонии содержат повесть Дж. Гринвуда «Подлинная история маленького оборвыша» и роман Дж. Голсуорси «Собственник». Помимо концепта *DEATH*, который получает репрезентацию в лексеме *death*, а также словах *to die* (*умирать*), *dead* (*мертвый*), *to kill* (*убивать*), *killed* (*погибший*), в формировании сверхтекстовой картины мира участвуют связанные с ним концепты *CHURCHYARD* (*КЛАДБИЩЕ*), *COFFIN* (*ГРОБ*), *FUNERAL* (*ПОХОРОНЫ*), *GHOST* (*ПРИЗРАК*), *SUICIDE* (*САМОУБИЙСТВО*): «*The mention of Marley's funeral brings me back to the point I started from*» [8, p. 7]. / «*Упоминание о похоронах Марли возвращает меня к тому, с чего я начал свой рассказ*»; «*As a boy, I was not particularly jovial or light-hearted, and the subject of coffins and funerals used to occupy a considerable share of my attention*» [11, p. 5]. / «*В детстве я не отличался веселостью и бодростью, и мои мысли частенько занимали гробы и похороны*».

Концепт *DEATH*, который реализует в пределах данного сверхтекста такие присущие ему в стандартных языковой и когнитивной картинах мира признаки как «an act of dying or being killed» («процесс умирания или убийства»), «the end of life» («конец жизни»), «the state of being dead» («состояние смерти»), «the ending or destruction» («конец, разрушение»), «the power that destroys life» («сила, которая отнимает жизнь»), «the time

when something ends» («время конца») [13, p. 356; 14, p. 379], обеспечивает создание мифологемы города, в котором смерти так часты, что не вызывают у оставшихся в живых сильных эмоций. Пожалуй, нет практически ни одного героя Лондонского текста, который не потерял бы родственника или друга. Некоторым из них являются духи умерших (Скруджу из повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь», Ларе из романа С. Кинзеллы «Девушка двадцатых годов»), причем их появление, как правило, бывает встречено без особого страха.

Более того, смерть и все, связанное с ней, не пугает жителей Лондона; некоторые из его персонажей даже зарабатывают себе на жизнь поисками трупов в Темзе, как старый Хэксем («Наш общий друг» Ч. Диккенса), жилище которого украшают многочисленные объявления об обнаруженных им телах. Именно на кладбище Брэдли Хэдстон делает предложение Лиззи Хэксем, и ни она, ни незадачливый искатель ее руки, ни брат девушки даже не задумываются, какое неподходящее место для романтического свидания оно собой представляет. На наш взгляд, для носителя русской культуры такая ситуация была бы неприемлема. В сверхтексте, тем не менее, создается не слишком приятное пространство, в котором человеку может быть неудобно.

Разумеется, нельзя сказать, что отношение к Лондону, запечатлевшееся в Лондонском тексте, было и остается только отрицательным. Этот сверхтекст полон примеров положительной интерпретации концепта *LONDON* и других ключевых концептов. Англичане, безусловно, гордятся своей столицей, и подобное ее восприятие не могло не отразиться в великих произведениях национальной литературы, которые составили Лондонский текст. Благодаря концептосфере Лондонского текста образуется единая сверхтекстовая картина мира, которая проявляет себя во всех его составляющих, и создается устойчивый образ города, живущего сложной, противоречивой, подчас двойственной жизнью.

#### Список литературы

1. **Акройд П.** Лондон: биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
2. **Диттрич Т.** Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Молодая гвардия, 2007. 382 с.
3. **Лотман Ю. М.** Символика Петербурга и проблема семиотики города // Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. II. С. 9-22.
4. **Шурупова О. С.** К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 225-227.
5. **Шурупова О. С.** Особенности методологии исследования городского сверхтекста // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. Вып. 2. С. 295-302.
6. **Шурупова О. С.** «Строгий, многоводный, темный город...»: Петербургский и Лондонский тексты // Русский язык за рубежом. 2011. № 3. С. 76-81.
7. **Шурупова О. С.** Текстовая и сверхтекстовая картины мира как объект филологического изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 2. С. 213-215.
8. **Dickens Ch.** Christmas Carol // Dickens Ch. Christmas Books. Great Britain (нужен город): Wordsworth, 2010. 384 p.
9. **Dickens Ch.** David Copperfield. Great Britain: Wordsworth Classics, 2000. 750 p.
10. **Dickens Ch.** Dombey and Son. Great Britain: Wordsworth Classics, 2002. 817 p.
11. **Greenwood J.** The True History of a Little Ragamuffin. N. Y.: Harper & Brothers Publishers, 1866. 138 p.
12. **Kinsella S.** The Secret Dreamworld of a Shopaholic. Great Britain: Black Swan, 2000. 320 p.
13. **Longman Dictionary of English Language and Culture.** Third Edition. Great Britain: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
14. **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.** Second Edition. Oxford: Macmillan Edition, 2007. 1748 p.
15. **Voynich E. L.** Put off Thy Shoes. N. Y.: The Macmillan Company, 1945. 457 p.

#### LINGUO-CULTURAL PHENOMENON OF LONDON TEXT OF THE ENGLISH LITERATURE

Shurupova Ol'ga Sergeevna, Ph. D. in Philology  
Korotina Galina Ivanovna

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Lipetsk  
shurupova2011@mail.ru; confup@mail.ru*

The article studies the linguo-cultural phenomenon of London text of the English literature. Basing on the analysis of representation and interpretation of the key concepts LONDON, DEATH, DAY, NIGHT the authors come to the conclusion about the features of the super-textual world view that is typical of it. The components of a super-text are combined by the image of the city that lives a complex dual life. The research is carried out by the material of J. Greenwood, Ch. Dickens and S. Kinsella.

*Key words and phrases:* text; super-text; super-textual world view; concept; conceptual sphere; London text of the English literature.